

Елена Михалкова

Детективы Елены Михалковой:

Знак истинного пути
Время собирать камни
Дом одиноких сердец
Темная сторона души
Жизнь под чужим солнцем
Остров сбывшейся мечты
Водоворот чужих желаний
Рыцарь нашего времени
Призрак в кривом зеркале
Танцы марионеток
Улыбка пересмешника
Дудочка крысолова
Манускрипт дьявола
Иллюзия игры
Золушка и дракон
Алмазный эндшпиль
Восемь бусин на тонкой ниточке
Комната старинных ключей
Котов обижать не рекомендуется
Кто убийца, миссис Норидж?
Тайна замка Вержи
Пари с морским дьяволом
Охота на крылатого льва
Нежные листья, ядовитые корни
Черный пудель, рыжий кот,
или Свадьба с препятствиями
Бумажный занавес, стеклянная
корона

Пирог из горького миндаля
Закрой дверь за совой
Нет кузнечика в траве
След лисицы на камнях
Кто остался под холмом

Елена Михалкова

Дуроч
из горького
миндала

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Компьютерный дизайн обложки —
Екатерина Елькина

Михалкова, Елена Ивановна.
М69 Пирог из горького миндаля / Елена Михалкова. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-17-115824-8

На фотографии — большая дружная семья. Симпатичные взрослые, милые дети. Величественный старик смотрит сурово и прямо. Среди них — убийца и жертва. Беззаботное лето в деревенском доме вдруг превращается в триллер, ближайшие родственники — в непримиримых врагов, а желание понравиться бабушке — в гонку на выживание. Семейный пирог невыносимо горчит. Сможет ли убийца стереть с себя страшное клеймо? Найдутся ли пропавшие драгоценности? Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин берутся за дело пятнадцатилетней давности.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115824-8

© Михалкова Е.И.
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Фотografia не выцвела со временем. Даже как будто стала ярче, и сейчас, когда я держу ее в руках, меня не оставляет мысль, что часть наших жизней перетекла в нее и навсегда осталась на глянцевом листе. Фотограф был тот еще колдун.

Вот и он сам, в центре — смотрит в объектив с понимающей усмешкой. На официальных снимках его лицо дышит благородством, а собственная камера поймала хозяина таким, каким он был в ту минуту: злым, веселым, упивающимся своей игрой. Отчего он не пожелал прикидываться, как всегда?

У меня есть объяснение.

Возможно, в кои-то веки он на секунду приоткрыл свое настоящее лицо, потому что вокруг собрались одни притворщики. Его позабавила идея сыграть на контрасте.

А теперь смотрите внимательно.

На снимке нас двенадцать — дюжина лжецов. Мы сгрудились вокруг сидящего в кресле величественного старика: пятеро детей, шестеро взрослых — и он. Большая дружная семья! И заметьте, все улыбаются, кроме одной девочки. Она смотрит в камеру так, словно догадывается, что должно произойти.

Впрочем, это ни для кого не секрет. Я расскажу, что случится вскоре после щелчка затвора. Знаете, что вы видите на самом деле вместо большой дружной семьи?

Вы видите жертву, преступника и свидетелей.

Говорят, у каждой семьи есть свои скелеты в шкафу. Но открыв наш гардероб, вы обнаружите за дверцей небольшое ухоженное кладбище. Знаете, как это бывает — у одних в шкафах Нарния, а у других торчат кресты на погосте.

На снимке мы улыбаемся в камеру — все, кроме единственного испуганного ребенка.

Один из нас вскоре будет мертв. Тот, кто убьет его, стоит в шаге от будущей жертвы.

Обстоятельства, при которых произошло преступление, и его причины известны мне лучше, чем кому-либо другому.

Потому что убийца — это я, и это моя история.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

2000 год

1

— **У** старухи черный дом! Она служит в черной комнате черную мессу!

Таинственный Женькин шепот проникает в самое сердце, и внутри становится сладко до ужаса.

— Черная старуха идет по черной-черной улице. Она сжимает черный-черный нож! Она ищет черную кошку!

— Фигня!

Белокурая девочка потянулась и демонстративно зевнула.

— Фигня? — Рассказчица прищурилась и обернулась к другой слушательнице. — Тоже считаешь, что я вру?

По правде говоря, Тишка так и думала. Но когда тебе двенадцать, а твоей двоюродной сестре четырнадцать, спорить с ней осмелится лишь человек, который совсем-совсем не боится черной старухи.

— Изо-ольда! — шепчет Женька специальным голосом, от которого мурашки по коже. — Она родилась ведьмой в Польше сто сорок лет назад!

Каждое утро Изольда Андреевна Дарницкая проходит мимо их дома — сутулый стервятник, водрузив-

ший на голову шляпу со страусиным пером. На скрюченных пальцах сияют перстни. Мочки пятнистых ушей оттянуты серьгами, сверкающими как мартовские сосульки. Иногда на шляпу цепляется ажурный зонтик от солнца: Изольда утверждает, что так меньше портится кожа.

Вокруг ее ног шуршит юбка из черной тафты, на плечах серебрится шаль с люрексом. Изольда наносит визиты знакомым.

Старуха напоминала бы городскую сумасшедшую, если б не ее манера разговаривать, высокомерная до такой степени, что собеседник невольно ощущал себя глупцом. Изольда не общалась — она снисходила. Не здоровалась — награждала своим вниманием.

— Я ведь певица, — хрипло говорит Изольда Тишкиной бабушке и выпускает дым из пунцовых губ. — У нас с Всевышним особые отношения. Мы — божьи дудочки. Господни тростники, через которые в мир льется его мелодия.

Все-таки она была совершенно чокнутой.

И как утверждали в поселке — невероятно, сказочно богатой.

Врали, разумеется. Откуда взяться сказочному богатству у бывшей исполнительницы романсов, давно потерявшей голос. Но все эти перстни, духи, шелестящие платья, огромный таинственный дом, в который никому не было доступа, кроме ее единственного сына — позднего болезненного ребенка, красивого какой-то ущербной красотой... Все это порождало слухи. Безумные, как и сама Изольда Дарницкая.

— У нее дома алтарь, — говорит Женька, — перед алтарем ковер, в ковре живут мертвые пчелы. Они делают мертвый мед. Она обмазывает им губы и кого поцелует, тот сам придет к ней ночью и останется навсегда.

— Зачем ей люди? — Вероника села на траву и обхватила колени тонкими белыми руками.

— Лучше тебе не знать. В полнолуние к ней является черный лекарь и приносит синеглазую жабу. Ее кожа обжигает! Дотронешься голыми руками, будут волдыри.

Тишка вспомнила, что старуху и впрямь часто видели в кружевных перчатках. Она вопросительно взглянула на Веронику, ожидая, не последует ли опровержения. Но та молчала.

— В ночь с четверга на пятницу у жабы вспучивает брюхо и ее тошнит драгоценным кольцом. Или серьгой!

Тишка от восторга затаила дыхание. Последовательница Джеральда Даррелла, она многое отдала бы за то, чтобы увидеть это уникальное земноводное.

— А охраняют жабу кошки с рыбьими глазами. Если они оцарапают человека, у него в горле вырастут водоросли, и он умрет!

— Завралась, — констатировала Вероника. Вытащила из кармана расческу и принялась водить по своим дивным волосам.

Женька сощурилась:

— Легко проверить!

— Как это?

— Пошли со мной к Изольде!

Вероника пожала плечами:

— Она тебя не пустит. Она никого не пускает.

— А я не спрошу!

Повисло молчание.

Тишка первая сообразила, что предлагает старшая из сестер.

— Ты хочешь... хочешь залезть к ней? Как вор?

— Как археолог! — поправила Женька. — Изольда уже давно ходячий труп. Значит, ее дом — это гробница!

Вероника даже расчесываться перестала.

— Совсем больная!

Старшая сестра не удостоила ее ответом.

— Пойдешь со мной?

Прямой твердый взгляд устремлен на Тишку. Девочка почувствовала, что сердце стукнуло где-то в желудке.

— Ты не залезешь! — вмешалась Вероника. — Она всегда запирает окна!

Женькина улыбка стала шире:

— Все, кроме чердачного!

Девочка замолчала.

— На заднем дворе растет старая черемуха, — жарко зашептала Женья, склонившись к Тишке. — Можно пробраться по ветке до окна. Она выдержит!

— Откуда знаешь? — тоже шепотом крикнула Вероника.

— Уже пробовала. Окно Изольда всегда держит открытым. Она не боится воров. Но мы же не воры!

«Мы не воры!» — повторила про себя Тишка.

— Старуха уходит в гости ровно в одиннадцать. Почему?

— Почему? — замороженно повторила Тишка.

— Потому что в десять тридцать заканчивается радиопередача «Золотой век романса». Полчаса старуха собирается, затем выходит из дома. Помните про чердачное окно? Оно открыто. Изольда возвращается через пару часов, но иногда гуляет и дольше.

Женька шептала очень быстро. Тишку поразила ее осведомленность.

— Мы дождемся одиннадцати, заберем в дом, распугаем кошек и найдем волшебную жабу, — уверенно закончила Женья.

— Брать ничего не станем, только посмотрим, — неожиданно для себя сказала Тишка.

И лишь поймав испуганный взгляд Вероники, поняла, на что она согласилась.

«Завтра выдвигаемся», — сказала Женя после ужина.

И это по-военному четкое «выдвигаемся» прозвучало так веско, что Тишка даже спину выпрямила. Есть, мой генерал!

С одной стороны, интересно — ужас как! Они попадут в логово ведьмы!

С другой, страшно до того, что дух захватывает. Как в парке на американских горках, когда твой вагончик притормаживает перед бездной. В этот миг всегда хочется отменить уже случившееся. Но поздно: несешься вниз, вопя от восторга и страха.

Так и с Женькой. Тишка прикинула, не сказать ли наутро больной. Но стоило ей вообразить презрительно изогнувшиеся Женькины губы, ее надменное молчание...

В глубине души Тишка понимала, что в дедовом доме она чужак. Со стороны могло показаться, что здесь живет пятеро детей. Но внутри царила безжалостная арифметика, разбивавшая пять на три и два. Двое «странненьких» — Тишка и Лелик. И трое прекрасных, здоровых, качественных подростков — Вероника, Пашка и, разумеется, Женя.

Женька выбрала для своей авантюры не кого-нибудь, а Тишку. И это было не просто предложение, а мостик, перекинутый над пропастью, разделявшей неудачников и счастливых.

Не то чтобы Тишке очень хотелось присоединиться к этой компании. Но для ее мамы это почему-то было важно. Тишка смутно угадывала, что не оправдывает ожиданий. Поход к Изольде должен все изменить.

С утра набежали облака, быстро стемнело и в воздухе запахло близким дождем. Стрелка барометра качнулась к осадкам.

— Идем быстрее, — шепнула Женька после завтрака. — Вдруг Изольда раньше вернется!

Их никто не остановил. Вероника валялась на кровати в наушниках, Пашка после завтрака исчез. Про Лелика и говорить нечего. «Сидит в своей комнате, птичек рисует», — подумала Тишка. На миг ее охватило острое чувство зависти. Лелику не нужно никому ничего доказывать. Но она представила жабу, выталкивающую из пасти сияющее кольцо с изумрудом, и кинулась следом за Женькой.

К дому Изольды подошли как ни в чем не бывало, словно прогуливаясь. Тишке показалось, что вокруг полно невидимых любопытных глаз. Ощущение было таким явственным, что мурашки побежали по коже.

— Обойдем забор, как будто мы к Прокофьевым, — спокойно сказала Женя. — А там срежем путь.

Девочки свернули в проулок. Прокофьевы, соседи Изольды, приезжали только на выходные. Некому поймать за руку двух подростков, шныряющих по чужим садам.

Они перемахнули через калитку, пробежали между вишен и низкорослых раскидистых слив с побеленными стволами. На дощатый забор влезли без труда и, балансируя, шли друг за дружкой, пока не уперлись в старую черемуху. Тишка была так поглощена тем, чтобы не оступиться, что почти забыла о цели их путешествия.

Вспомнила лишь тогда, когда Женька шикнула на нее:

— Тихо!

В переулке кто-то показался.

Девочка юркнула вверх по веткам. Ей послышался невдалеке приглушенный свист, словно ветер командовал сквознякам готовиться к нападению. Но тут же все стихло.

Едва прохожий скрылся, Женька перебралась повыше и уселась рядом с Тишкой.

— Окно видишь?

Ветка действительно тянулась к чердачному окну, и теперь Тишка поняла, отчего Изольда не закрывает его. Во-первых, ветка хлипкая. Во-вторых, окошко маленькое, взрослому человеку и не протиснуться.

— Давай! — скомандовала Женька. — Заберешься туда. Ты легкая. А потом откроешь мне заднюю дверь.

Тишка уставилась на нее во все глаза. Но ведь план был не такой!

— Чего тарацишься? — прошипела Женька. — Вперед! Старуха через полчаса вернется!

И с такой силой подтолкнула Тишку, что та едва не слетела вниз.

Девочка вцепилась в ветку, перекинувшуюся от дерева до окна. И полезла как обезьянка, отчаянно сожалея, что у нее нет хвоста.

Ветка качалась и пружинила, так что Тишка старалась не дышать. Больше всего она боялась услышать хруст. Крыша все ближе, ближе... Наконец Тишка спрыгнула на шиферный скат и вцепилась вспотевшими ладонями в оконную раму.

Обернулась. Женькино лицо белело среди ветвей. Тишка только теперь сообразила, что освобожденная от ее тяжести ветка снова приподнялась над крышей и вернуться тем же путем не получится.

Она подтянулась, протиснулась через узкую раму и чуть не нырнула вниз головой. В последний момент успела выставить руки и приземлилась на дощатый пол, покрытый грязью и шерстью. «Кошки с рыбьими глазами!»

Когда она выглянула наружу, Женька уже исчезла.

Девочке было так страшно, что она кубарем слетела с чердачной лестницы, пробежала по темному коридо-

ру, изо всех сил стараясь не увидеть чего-нибудь лишнего, и с размаху ударилась в дверь. С засовами Тишка разобралась за две секунды. Дверь распахнулась, и Женька ввалилась внутрь.

Девочки захлопнули ее за Женькой и навалились спинами, словно ужас поджидал их снаружи, а не внутри. Несколько секунд стояли, тяжело дыша, затем переглянулись.

— Пойдем, — одними губами сказала Женька.

Справа тускло светлел прямоугольник открытого прохода, мимо которого Тишка промчалась, не заметив его. В воздухе стоял густой непонятный запах, в котором смешались дурман старинных парфюмов, вонь кошачьей мочи, пыль, кисловатый привкус забродившего компота и что-то еще, чему Тишка не находила названия. Дом деда казался ей огромным, но этот превосходил его: он был словно лабиринт, темный, запущенный, напоминающий парк развлечений, который долгие годы простоял заброшенным.

Коридоры, зеркала, портреты... Со стен на них смотрела Изольда: молодая, с дерзкой улыбкой, с гитарой в руках. От запаха у Тишки закружилась голова. Ей хотелось выйти на свет, и она свернула в первую же открытую дверь. Женька шагнула за ней.

Под ноги им бросился мохнатый комок. Женька отшатнулась и издала странный вскрик. Тишка неимоверным усилием сдержала крик ужаса. Комок обернулся кошкой, вполне живой и самой обыкновенной: серой в белую полосу.

— Господи, — Женька схватилась за сердце. — Я едва не умерла.

Тишка промолчала. Ей казалось, что она как раз умерла. На целых три секунды. Кошка пробежала мимо них, вспрыгнула на кресло.

— Смотри! — Женька толкнула девочку под локоть.

На комодѣ у заштореннаго окна желтело облезлое чучело лисы. Стеклѣнные глаза глупо смотрели в никуда. На шеѣ у лисы болтались бусы, одно ухо было по-собачьи подвернуто внутрь.

— Сама Изольда мастерила! — таинственно зашептала Женька на ухо Тишке. — Убила лису и набила. Где-то в подвале навѣрняка и чучело человека спрятано!

Но Тишке больше не было страшно. Кажется, весь запас испуга она израсходовала на кошку. «И жабы никакой здесь нет, — вдруг поняла она. — Женька все это выдумала».

Портьера шевельнулась. Но на этот раз девочки были готовы, и когда оттуда вышла вторая кошка, копия первой, они даже не вздрогнули.

— Судя по вони, их здесь не меньше дюжины, — уже обычным тихим голосом сказала Женя. — А Изольда никогда не рассказывала...

Просторная комната, в которой они оказались, была беспорядочно заполнена мебелью и больше напоминала склад старинных вещей. Здесь были разномастные кресла на гнутых ножках, плетеные короба, трельяж с потемневшими зеркалами, узенькие шкафчики с дверцами из кусочков цветнаго стекла, прильнувшие друг к другу, точно сиамские близнецы. Тишка поймала себя на том, что ей здесь нравится. Если бы не запах, от котораго горло забивает ватной пробкой...

— Пошли, — скомандовала Женька. — Надо осмотреться!

Тишка отрицательно качнула головой.

— Ты чего?

— Не пойду. Хочешь — сама осматривайся.

Несколько секунд Женька испытующе смотрела на нее. Тишка прямо встретила жесткий взгляд.

— Ну и пожалуйста. — Женя пожала плечами. — Сиди тут, если тебе не хочется посмотреть на жабу!